

На правах рукописи

Сергун Евгений Петрович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

**Москва
2014**

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»

Научный консультант – доктор юридических наук, профессор
Яцеленко Борис Викторович

Официальные оппоненты: Рарог Алексей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права
ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

Лопашенко Наталья Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГБОУ
ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита состоится 9 октября 2014 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 229.001.01, созданного на базе ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», по адресу: 117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте: <http://gramu.ru/predstavlenie-k-zashhite-dissertaciy> ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации».

Автореферат разослан 19 июня 2014 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

З. В. Каменева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования объясняется наличием в настоящее время потенциальных угроз безопасности конституционного строя Российской Федерации, которые не могут быть устранены сформировавшимся механизмом уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере охраны основ конституционного строя Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ)¹ действует уже более пятнадцати лет – относительно продолжительный период и, кажется, вполне достаточный для того, чтобы произошедшие еще в начале 1990-х гг. коренные изменения политико-философских и государственно-правовых представлений, вызванные провозглашением Российской Федерацией принципов и ценностей демократического правового государства, получили целостное отражение и в современной доктрине уголовного права. Но, как показывает практика, отечественная уголовно-правовая наука за время, прошедшее с момента вступления в силу нового уголовного закона, так и не выдвинула конструктивных предложений по обеспечению гарантии неизблемости фундаментальных принципов, закрепленных в ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (далее – Конституция РФ)², или, выражаясь кратко, *либерально-демократических основ конституционного строя* Российской Федерации.

Переход от советской политической системы к новым методам и средствам осуществления политической власти в условиях демократического режима должен был выявить несостоятельность прежних уголовно-правовых взглядов не только на права и свободы человека и гражданина, но и на органично связанный с ними конституционный строй Российской Федерации как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Однако фактическое положение дел вынуждает признать, что данная идея не получила практического воплощения. Об этом свидетельствует по меньшей мере теоретическая неопределенность основ конституционного строя Российской Федерации как составного элемента видového объекта преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Следовательно, эффективная уголовно-правовая политика в обозначенной сфере не могла быть разработана.

Так, несмотря на то что согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», в действующем российском уголовном законодательстве отсутствуют какие-либо гарантии наличия (закрепления) указанного положения на конституционно-правовом уровне. В связи с этим политические стремления, направленные, к примеру, на превращение России в «православное унитарное государство с монархической формой правления» с лоббистским «проталкиванием» в последующем соответствующего основного

¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации (далее в ссылках – СЗ РФ). – 1996. – № 25, ст. 2954.

² См.: СЗ РФ. – 2009. – № 4, ст. 445.

закона, парадоксальным образом оказываются вне области уголовно-правового воздействия. Сказанное, разумеется, также относится к претворению в реальность любых иных теократических и религиозно-фундаменталистских концепций, выступающих за построение на территории Российской Федерации антилиберального, антидемократического государства (шариатского, ваххабитского и т. п.).

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Примечательно, что данный основополагающий конституционный принцип, выступающий одновременно атрибутом естественно-правовой теории и базовым постулатом либерализма, имеет в Российской Федерации немалое количество непримиримых политических противников. Сегодня как на локальном, так и на федеральном уровнях под вуалью противостояния «ложным ценностям агрессивного западного либерализма» и путем спекуляций на тему «возрождения национального самосознания» наблюдается активизация квазидемократических, неоавторитарных и иных антиконституционных политико-идеологических сил, преследующих цель «исторического возврата» России в деспотическое, диктаторское прошлое либо установления не пережитой народом, заимствованной извне антидемократической системы, угнетающей неотчуждаемые права и свободы человека. Поскольку главным орудием указанных субъектов политической деятельности выступает пропаганда, следует признать, что действующий уголовный закон не содержит правового барьера перед умышленным внедрением в общественное (прежде всего подростково-молодежное) сознание антилиберальных установок (в общих чертах – взглядов, отрицающих первостепенную социальную значимость ст. 2 Конституции РФ).

«Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» – гласит ч. 1 ст. 3 Конституции РФ. В свое время аналогичное положение, закрепленное в ст. 1 Веймарской конституции 1919 г., – «государственная власть исходит от народа» (без указания тогда на приоритет естественных прав и свобод человека) фактически легитимировало внешне демократический приход к власти национал-социалистов в Германии и тем самым способствовало «трансформации» принципа народовластия в нацизм. Вряд ли возможно назвать политическую силу, которая в своей идейной основе не апеллировала бы под различными предлогами к институту демократии. Об условном народовластии говорили и советские конституции.

В связи с этим необходимо, во-первых, конкретизировать в теории российского права, что Конституция РФ провозглашает *либеральную демократию*, и, во-вторых, разработать в уголовно-правовой науке комплекс легитимных мер, направленных на обеспечение состояния защищенности (безопасности) политико-идеологического фундамента Основного Закона от угроз антиконституционного, т. е. антилиберального, антидемократического характера. В противном случае принцип «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ)

может быть использован для «демократической» ликвидации мирной, свободной демократии в процессе непосредственного народовластия, если при этом общественное сознание подвергается целенаправленной политической манипуляции, а законных оснований для пресечения такой деятельности у государства не имеется. Если не исключить такую вероятность уголовно-правовыми средствами, то рано или поздно это приведет к свержению конституционного строя Российской Федерации и установлению в стране антидемократического режима.

Обозначенными проблемами далеко не исчерпывается перечень научно-практических вопросов, возникающих по мере погружения в изучение возможностей уголовного права в нише конституционной безопасности Российской Федерации. Поиску ответов на них должны были посвящаться многочисленные публикации, затрагивающие уголовно-правовые и криминологические аспекты *экстремизма*, а результаты проводимой широкомасштабной кампании по противодействию экстремистской деятельности – сделать поднятую тему исследования неактуальной. Однако ситуация получила довольно странное развитие: в российском уголовном правотворчестве произошла подмена одного из важнейших социально-правовых благ, вне всякого сомнения, нуждающегося в уголовно-правовой охране, – либерально-демократического политического режима – иными общественными отношениями, не способными по своей природе выступать объектами антиконституционных (т. е. подлинно экстремистских¹) посягательств.

Более того, действующие «антиэкстремистские» уголовно-правовые нормы допускают, с одной стороны, возможность преследования лиц, использующих свои конституционные права и свободы с целью добровольного или вынужденного (в состоянии крайней необходимости) отстаивания идей демократического правового государства, а с другой – позволяют оставлять безнаказанными экстремистов в тех случаях, когда они добиваются ликвидации в Российской Федерации демократической формы политической организации общества, сознательно не прибегая на начальных этапах реализации своих очевидно преступных намерений к насильственным действиям, ограничиваясь массовым распространением антиконституционных воззрений. Такая уголовная политика не могла не поставить под сомнение наличие в нашей стране де-факто демократического режима.

Как выразился председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин, «мы строим либеральное, открытое, демократическое об-

¹ Так в российской научной среде получил распространение совершенно другой «экстремизм», не имеющий фактически ничего общего с тем феноменом, о котором, в частности, более двадцати пяти лет назад известный западный политолог, исследователь экстремизма У. Бакес высказался как о политической позиции, прямо или косвенно отрицающей демократическое конституционное государство. См.: *Jesse E. Formen des politischen Extremismus // Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme. Texte zur inneren Sicherheit. Bundesministerium des Innern. – Berlin, 2004. – S. 11.* См. также: *Backes U. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. Elemente einer normativen Rahmentheorie. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1989.* Впрочем, термины «экстремизм» (нем. – *Extremismus*) и «враждебность к демократии» (нем. – *Demokratiefeindlichkeit*) становятся синонимами в германской политической науке уже к середине 1970-х гг. Причем впоследствии эта теория получает небезосновательное отражение в немецкой уголовно-правовой доктрине.

щество и рыночную экономику»¹. Но где тому уголовно-правовое подтверждение? Ведь из содержания уголовного закона не следует, что именно либерально-демократические принципы выступают объектом уголовно-правовой охраны, а никак не интересы антагонистических политических (в т. ч. религиозно-политических) сил.

Причина образовавшегося научно-практического коллапса в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации во многом объясняется тем, что российская наука уголовного права признает в основном только юридическую (по сути законодательную) и игнорирует политико-философскую природу социального явления под названием «экстремизм». Экстремизм – это не «обыденное» уголовно опосредованное нарушение каких-либо конституционно-правовых норм, вызванное «низменными» мотивами, аморальностью, правовым бескультурьем, хулиганскими побуждениями, «богоотступничеством» и т. п., но идеологическая нетерпимость к одному лишь факту провозглашения Конституцией РФ либерально-демократических начал, обусловленная враждебностью к общепризнанным на международном публично-правовом (конвенционном) уровне естественным (неотчуждаемым) правам и свободам человека и гражданина, в т. ч. самому образу демократического правового государства.

Предложенная интерпретация существенно меняет представления о том, как же должна выглядеть конституциональная уголовно-правовая политика в рассматриваемой области. Данное диссертационное исследование посвящено ее научно-концептуальной разработке.

Степень разработанности темы исследования, с одной стороны, характеризуется наличием большого количества диссертационных и монографических работ, иных научных публикаций, подготовленных российскими учеными в рамках рассмотрения уголовно-правовых и криминологических аспектов «экстремизма», но с другой – затруднительно назвать отечественные исследования, непосредственно затрагивающие *проблему уголовно-правовой охраны политической системы демократического правового государства*, и особенно те издания, в которых излагаются предложения по разработке профилирующей уголовно-правовой политики.

На этом основании выполненную работу можно только условно отнести к околотематическому перечню диссертационных исследований таких авторов, как С. В. Борисов, В. А. Бурковская, К. К. Демиров, Э. Т. Жээнбеков, Т. А. Корнилов, Р. О. Кочергин, Д. И. Леньшин, Д. Е. Некрасов, А. В. Павлинов, В. В. Ревина, А. С. Ржевский, А. В. Ростокинский, А. Т. Сиоридзе, А. С. Скудин, Н. В. Степанов, Р. М. Узденов, С. Н. Фридинский, С. Д. Юрчевский и др.

Несмотря на то что многие ученые подвергают справедливой критике действующие «антиэкстремистские» уголовно-правовые нормы, в своих выводах они, как правило, не выходят за рамки «кодексного мировоззрения» или, выражаясь иными словами, устоявшейся «законодательной феноменологии».

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М. : Норма ; ИНФРА-М, 2013. – С. 11.

Сказанное объясняется господством в российской науке уголовного права лишь одного подхода к изучению экстремизма – *эмпирико-индуктивного*.

Политико-правовые аспекты экстремизма получили отражение в диссертациях С. В. Азевой, И. В. Воронова, А. Ю. Евтюшкина, А. С. Киреева, В. С. Ковалёва, М. Е. Косяковой, Х. Т. Курбанова, И. Д. Лопатина, Н. Е. Макарова, Р. И. Мороза, Е. С. Назаровой, Д. В. Новикова, М. А. Сафонова, А. М. Семенцова, Т. А. Скворцовой, Л. Л. Тамайко, М. П. Телякавова, Е. В. Ульяновой, Р. В. Упорникова и др. Но его рассмотрение в качестве угрозы либерально-демократическим началам конституционного строя Российской Федерации не входило в круг задач исследований отмеченных авторов.

Кроме упомянутых ученых, экстремизм (в его различных интерпретациях) входит в область научных интересов Ю. И. Авдеева, Р. А. Адельханяна, Д. И. Аминова, Ю. М. Антоняна, В. Н. Арестова, Ю. И. Бытко, В. В. Витюка, Н. В. Володиной, Л. Д. Гаухмана, Я. И. Гилинского, А. С. Грачёва, Н. Н. Даниленко, М. И. Дзлиева, А. И. Долговой, А. Г. Залужного, Н. Г. Иванова, А. А. Игнатенко, С. М. Иншакова, А. Г. Кибальника, А. А. Козлова, О. Н. Коршуновой, С. М. Кочои, А. С. Куликова, С. Я. Лебедева, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунеева, А. В. Наумова, А. А. Нуруллаева, В. С. Овчинского, Р. Э. Оганяна, Д. В. Ольшанского, Э. А. Паина, В. Е. Петрищева, А. Ю. Пиджакова, Ю. Е. Пудовочкина, Б. Т. Разгильдиева, А. И. Рарога, А. Р. Ратинова, Р. А. Сабитова, У. Т. Сайгитова, Е. А. Степановой, Л. Р. Сюкияйнена, И. Л. Трунова, О. М. Хлобустова, А. А. Чичановского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова, М. Я. Яхьяева, Б. В. Яцеленко и многих других.

Напротив, количество научных исследований, предметно посвященных вопросам уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации, незначительно. Большинство из них сводится к уголовно-правовой характеристике составов преступлений, предусмотренных гл. 29 УК РФ (например, монография С. В. Дьякова¹), либо юридико-технической корректировке текста уголовного закона без предложения самостоятельной научной концепции (в частности, диссертация Д. В. Царева²). В более близком тематическом русле находятся отдельные публикации С. О. Коновалова³, Р. Б. Петухова⁴, А. Г. Хлебушкина⁵ и др.

Объект исследования двусоставной: им является совокупность общественных отношений, с одной стороны, складывающихся в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации, а с другой –

¹ См.: Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.

² См.: Царев Д. В. Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в России : дис. ... канд. юрид. наук. – Иваново, 2005.

³ См.: Коновалов С. О. Основы конституционного строя Российской Федерации как объекта уголовно-правовой охраны // Проблемы и перспективы развития современного законодательства : сб. материалов межкафедр. науч.-практ. конф. юридического факультета Российской таможенной академии / под ред. А. Г. Никольской. – М. : Изд-во Рос. тамож. акад., 2013. – С. 122–125.

⁴ См.: Петухов Р. Б. Конституционный строй Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 7–8.

⁵ См.: Хлебушкин А. Г. Основы конституционного строя как объект уголовно-правовой охраны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 4 (56). – С. 73–79.

возникающих в области уголовно-правовой борьбы с политическим экстремизмом, представляющим единственную прямую угрозу безопасности конституционного строя Российской Федерации.

Предмет исследования составляет механизм уголовно-правового регулирования, гарантирующий незыблемость (постоянство) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации, предусмотренных ст. 2, 3 Конституции РФ (в обобщенном понимании – ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), вкуче с широким спектром научно-теоретических и иных источников, а также эмпирических данных, вводимых в суть проблематики темы диссертационной работы.

Цель исследования сводится к научной разработке первоосновы легитимной (конституциональной) уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации.

Названная цель определила постановку и **необходимость решения следующих задач исследования:**

- конкретизировать сущность конституционного строя Российской Федерации как объекта уголовно-правовой охраны (ч. 1 ст. 2 УК РФ) и параллельно – основ конституционного строя Российской Федерации как обособленного в системе Особенной части УК РФ видового объекта преступлений (гл. 29 УК РФ);

- предложить и научно обосновать уголовно-правовую интерпретацию термина «безопасность конституционного строя Российской Федерации»;

- всесторонне изучить феномен политического экстремизма как непосредственную угрозу антиконституционного (т. е. антилиберального, антидемократического) характера и отразить полученные результаты в приведенном понятийно-категориальном аппарате;

- выявить главные научно-теоретические проблемы, присущие проводимой уголовно-правовой политике в сфере охраны основ конституционного строя Российской Федерации; установить причины их возникновения;

- оценить степень результативности (рациональности, социальной полезности) предусмотренных действующим уголовным законодательством составов преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации; рассмотреть присущие им недостатки и положительные стороны (при их наличии);

- сформулировать научно-концептуальные основы (руководящую идею, цель, задачи, принципы) качественной уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации;

- спроектировать отсутствующий в настоящее время эффективный уголовно-правовой механизм, способный гарантировать демократическую форму политической организации российского общества и ее защиту от экстремистских посягательств.

Методологической основой исследования служит диалектический метод познания социально-правовых явлений и процессов. В диссертации используется нехарактерный для российского уголовного права подход к определению

сущности экстремизма – *теоретико-дедуктивный*¹. Он осуществляется с применением иных формально-логических, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов исследования.

Теоретическую основу исследования составляют как труды ранее отмеченных ученых и многочисленные публикации других российских специалистов, посвященные политико-философским, теоретико-правовым, конституционно-правовым и уголовно-правовым аспектам рассматриваемой проблематики, так и научные работы зарубежных авторов. На формирование концепции данного исследования оказали существенное влияние публикации современных германских политологов и правоведов, в числе которых У. Бакес (U. Backes), Э. Йессе (E. Jesse), Ш. Кайлитц (S. Kailitz), М. Моммсен (M. Mommsen), В. Ной (V. Neu), А. Пфаль-Траугбер (A. Pfahl-Traughber), Й. Урбан (J. Urban), М. Эрмерт (M. Ermert), Х.-Г. Яшке (H.-G. Jaschke) и др. Принят во внимание ряд учебников по австрийскому, германскому и швейцарскому уголовному праву, а также по общей теории и конституционному праву Швейцарской Конфедерации.

Нормативную основу исследования образуют источники международного публичного права в области прав и свобод человека; советское, российское конституционное и уголовное законодательство; иные законы, подзаконные нормативные акты и судебные прецеденты, имеющие силу источника права; конституционное и уголовное законодательство зарубежных демократических государств.

Эмпирическая основа исследования в силу специфики теоретико-дедуктивного подхода имеет вспомогательное значение применительно к достижению сформулированных в работе цели и задач. Практической базой диссертации послужили: 1) материалы уголовных дел о преступлениях, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, ст. 280 УК РФ, ст. 282 УК РФ, ст. 282.1 УК РФ, ст. 282.2 УК РФ, рассмотренных судами Краснодарского края и Республики Дагестан в период с 2006 по 2008 гг.; 2) результаты анкетирования², проведенного в период с октября по декабрь 2008 г., в котором приняли участие 154 сотрудника подразделений МВД России из 17 субъектов Российской Федерации (входящих в состав Приволжского и Южного федеральных округов России), на которых были возложены функции по противодействию экстремистской деятельности в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»³; 3) результаты проведенного отделением по противодействию коррупции Поволжского (г. Саратов)

¹ Названный подход в контексте изучения политического экстремизма отчасти перенят из германской уголовно-правовой науки. Если исходным пунктом противоположного эмпирико-индуктивного подхода выступает социальная действительность, а процесс познания основывается на субъективном опыте и результатах наблюдения феноменов, то отправной точкой теоретико-дедуктивного подхода является абстрактная модель демократического государства. См.: *Ermert M. Der Extremismus im Strafrecht: Eine begriffsanalytische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und verfassungsrechtlicher Grundlage.* – Herbolzheim : Centaurus-Verl., 2007. – S. 6–7.

² Подробные итоги данного опроса отражены в следующей работе: *Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход) : монография.* – М. ; Саратов : РПА Минюста России, 2009. – С. 220–223.

³ См.: СЗ РФ. – 2008. – № 37, ст. 4182.

юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации исследования на тему «Мониторинг правоприменения законодательства о противодействии экстремизму в Саратовской области в 2003–2012 гг.» (в рамках общего исследования НИИ РПА Минюста России), в котором диссертант выступил соисполнителем; 4) сведения, представленные Центром по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Саратовской области, полученные в ходе анонимного анкетирования на предмет выявления степени распространенности ксенофобских настроений в молодежной среде, проведенного среди учащихся ссузов г. Саратова и Саратовской области в период с 10 по 30 октября 2012 г. (опрошено 7909 респондентов в 19 ссузах г. Саратова, 7716 – в 27 ссузах Саратовской области); 5) результаты социологического исследования «Культура межнациональных отношений студентов в образовательном пространстве вуза», проведенного в феврале 2013 г. по инициативе ЦПЭ ГУ МВД России по Саратовской области Центром социально-политических исследований и технологий Саратовской государственной юридической академии в соответствии с решением Совета ректоров вузов Саратовской области в восьми вузах г. Саратова (опрошено 5 тыс. студентов); 6) информация Главного управления по противодействию экстремизму МВД России; 7) материалы Минюста России по противодействию экстремизму; 8) базы решений судов общей юрисдикции Российской Федерации, доступные в сети Интернет («судебныерешения.рф» и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что выполненная работа является впервые поставленным в российской науке уголовного права экспериментом по разработке теоретических и практических положений узконаправленной уголовно-правовой политики, обеспечивающей незыблемость политико-идеологического фундамента Основного Закона демократического правового государства, в частности защищенность либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации (предусмотренных ст. 2, 3, а в собирательном понимании – ч. 1 ст. 1 Конституции РФ) от угроз антиконституционного, т. е. антилиберального, антидемократического характера.

В общем смысле данная идея подразумевает междисциплинарное научное обоснование возможности и необходимости опосредованного уголовным правом идеологического противодействия политическим экстремистам в условиях либерально-демократического режима. Это требует оригинального подхода к комплексному решению вопросов, касающихся определения допустимых пределов (границ) уголовно-правовой охраны демократии в открытом обществе, компромиссного устранения дилеммы «политико-репрессивной (авторитарной) демократии», поиска формально-логических конституциональных оснований применения уголовно-правовых мер «контридеологического» характера, учитывая провозглашенные сегодня принципы идеологического (политического) многообразия и многопартийности (ч. 1–3 ст. 13 Конституции РФ), и т. д.

Доктринальным ядром уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации выступает авторская *концепция либерально-демократического консерватизма*, которую предлагается рассматривать в качестве национального (российского) варианта герман-

ской политической модели «воинствующей демократии» (нем. – *streitbare* или *wehrhafte Demokratie*). Одно из назначений последней сводится к научной констатации легитимных оснований умеренного (сдержанного) уголовно-правового преследования экстремистов, стремящихся к ликвидации (свержению) «свободного демократического строя» (нем. – *freiheitliche demokratische Grundordnung*).

Рабочую гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: противодействие активным противникам провозглашенной де-юре политической системы в большей или меньшей степени присуще всякому государству, проблема состоит, однако, в точном определении легитимных оснований и интенсивности такого рода уголовно-правового воздействия на общественные отношения в демократическом правовом государстве.

Основные положения, выносимые на защиту, логично разделить на две группы.

1. Научно-теоретические положения:

1.1. Либеральная демократия¹ как результат синтеза либерально-гуманистического (ст. 2 Конституции РФ) и демократического (ст. 3 Конституции РФ) начал конституционного строя Российской Федерации образует несокрушимый фундамент Основного Закона. Она является не просто процедурой народовластия, выборным (избирательным) механизмом (демократическая составляющая), но также самостоятельной политической идеологией, провозглашающей человека, его естественные (неотчуждаемые) права и свободы высшей ценностью (либеральная составляющая).

Конституция РФ отражает определенное политическое мировоззрение. Следовательно, по смыслу ч. 2 ст. 1 УК РФ уголовное законодательство не должно быть деидеологизированным.

1.2. Либеральная демократия – не есть абсолютная свобода. Вместе с тем она является наиболее «свободной» формой государственного ограничения свободы. С позиции объема дозволенного поведения понятие «абсолютная свобода» значительно шире понятия «либеральная демократия». Несмотря на это, сегодня не представляется возможным назвать иную политическую категорию свободы, которая в указанном смысле была бы шире либеральной демократии. Авторитаризм, тоталитаризм, теократия и другие антидемократические формы политической организации общества не могут обеспечить каждому человеку тот объем прав и свобод, который гарантирует подлинно либерально-демократический режим. Данное обстоятельство подчеркивает его особую социально-правовую ценность, очевидно достаточную для того, чтобы либерально-демократические основы конституционного строя Российской Федерации рассматривались в контексте гл. 29 УК РФ в качестве самостоятельного объекта преступления.

¹ Политико-правовая концепция, изложенная в настоящем исследовании, не имеет отношения к программе (идеологии) Либерально-демократической партии России (ЛДПР или Политическая партия ЛДПР). Возможные сходства по отдельным теоретическим вопросам следует рассматривать как невязанное совпадение взглядов.

1.3. Если какая-либо политическая система предполагает наличие абсолютной политической свободы, то она логично будет предусматривать возможность легальной самоликвидации, а значит, ее социальная ценность будет равняться нулю. Общество, находящееся в условиях воображимой политической ситуации, будет пребывать в состоянии ожесточенной борьбы за власть, которая вскоре закончится установлением очередной диктатуры. Этим мотивируется легитимность и неизбежность уголовно-правовых ограничений провозглашенных Конституцией РФ (равно как и основными законами зарубежных демократических государств) прав и свобод граждан в той мере, в какой это необходимо для защиты ключевых либерально-демократических принципов (со ссылкой на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

1.4. Базовые конституционно-правовые принципы подлежат интерпретации лишь в рамках либерально-демократической идеологии. Так, признание политического многообразия, многопартийности (ч. 3 ст. 13 Конституции РФ) не предполагает допустимость легального функционирования в Российской Федерации ультралевых (левоэкстремистских), ультраправых (правоэкстремистских) или религиозно-фундаменталистских политических объединений. Принцип свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 29 Конституции РФ) гарантирует, в частности, возможность публичной критики и выражения личного несогласия с кем угодно и чем угодно, но он не может истолковываться как легитимное конституционное право на пропаганду антиконституционных (т. е. антилиберальных, антидемократических) воззрений. Свободное распространение религиозных убеждений (ст. 28 Конституции РФ) не подразумевает, что некоторые архаические религиозные догмы, подстрекающие к антидемократизму, дискриминации и даже насилию, могут целенаправленно внедряться духовенством в общественное сознание, например, в рамках своеобразной политической кампании по «возрождению национальной идеологии», приходящей на смену современным естественно-правовым представлениям.

Назначение Конституции РФ состоит не в объявлении всеобщих правил политического соревнования в борьбе за власть между, например, сторонниками ультралевых (авторитарных, тоталитарных) форм марксизма-ленинизма, с одной стороны, последователями национал-социализма – с другой, религиозными фундаменталистами – с третьей, революционными анархистами – с четвертой и т. д., а в том, чтобы утвердить незыблемость (постоянство) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации. Но для этого требуется исключить возможность массового прихода к политической власти приверженцев антиконституционных взглядов. Следовательно, положения ч. 1–3 ст. 13 Конституции РФ подлежат систематическому толкованию (т. е. в контексте ч. 1 ст. 1, ст. 2, 3 Конституции РФ), а значит, допускается возможность конституционно-конформного уголовно-правового противодействия лицам, целенаправленно пропагандирующим в Российской Федерации экстремистские идеологии.

1.5. В основе разработки понятийно-категориального аппарата учения об экстремизме должна лежать аксиома «экстремистская идеология → экстремизм → экстремистская деятельность», где «→» означает процесс образования (вы-

ведения) нового от исходного (первичного) понятия путем указания на его дополнительные существенные признаки.

Экстремистская идеология – система концептуально оформленных социально-политических взглядов и идей, для которой характерны следующие признаки:

- неприятие естественно-правовой теории о неотчуждаемых правах и свободах каждого человека (оправдание полного или частичного угнетения общепризнанных прав и свобод);

- нетерпимость (враждебность) к фундаментальным принципам демократии (прежде всего либеральной, отдающей приоритет правам и свободам личности, к защите которых сводится главная роль государства);

- невозможность собственного воплощения в реальность в условиях демократического политического режима (такие воззрения могут быть реализованы только при авторитарном, деспотическом, тоталитарном, теократическом или ином антидемократическом режиме) и, как следствие, непризнание основ конституционного строя демократического правового государства.

Экстремизм с научных позиций занимает промежуточное положение между непосредственно идеологией и поведением с идеологической подоплекой. Вкратце его можно определить так: приверженность антилиберализму и антидемократизму + психологическая готовность к активному претворению в действительность экстремистской идеологии любыми, в т. ч. уголовно наказуемыми способами. Таким образом, экстремизм выступает мотивообразующим фактором особого типа политической преступности.

Экстремистская деятельность охватывает все противоправные формы экстремизма, среди которых уголовно наказуемые можно обозначить как «преступления экстремистской направленности».

1.6. Уголовно-правовое гарантирование либеральной демократии предполагает наличие двух обособленных сфер уголовно-правового регулирования и, соответственно, различных средств уголовно-правового воздействия:

- а) в сфере обеспечения непосредственного народовластия (т. е. демократической процедуры, выборного (избирательного) механизма) необходима криминализация деяний, посягающих на законную реализацию гражданами избирательных прав и (или) прав на участие в референдуме (в настоящее время осуществлена, о чем свидетельствуют имеющиеся ст. 141, 141.1, 142, 142.1 УК РФ);

- б) в сфере защиты либеральной демократии как официально признанной политической идеологии, препятствующей формально правомерному прохождению в органы государственной власти сторонников антиконституционных воззрений, требуется криминализация деяний, посягающих на либерально-демократические основы конституционного строя Российской Федерации (на данный момент в российском уголовном праве такие нормы отсутствуют).

1.7. Чем отчетливее уголовный закон отражает конституционную идеологию, тем сложнее становится его использование в неконституционных либо антиконституционных целях. В свою очередь, уголовно-правовая защита конституционной идеологии служит гарантией недопустимости расшатывания леги-

тимных оснований конституции посредством целенаправленного воздействия со стороны политических экстремистов на общественное сознание, чем обеспечивается не только конституционная безопасность, но и опосредованно безопасность самого уголовного права (или условная «самозащита» уголовного закона от возможности его интерпретации с позиций экстремистской идеологии).

Иными словами, идеологические рамки толкования действующих уголовно-правовых норм должны быть определены специальными нормами уголовного закона, обеспечивающими незыблемость (постоянство) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации, потому что лишь фактом своего нынешнего существования многие уголовно-правовые нормы не способны гарантировать как дальнейшее собственное нахождение в уголовном законодательстве, так и в большинстве случаев стабильность идеологического контента, в рамках которого они традиционно реализуются.

1.8. Сущность безопасности конституционного строя Российской Федерации в контексте планируемой уголовно-правовой политики состоит не столько в недопущении частных случаев нарушений демократических прав и свобод человека и гражданина вследствие неправомерного поведения тех или иных субъектов правоотношений, сколько в правовом гарантировании незыблемости таких принципов и их реального провозглашения на конституционном уровне как в настоящее время, так и в необозримом будущем нашего государства. В некотором смысле объектом уголовно-правового воздействия в таком понимании выступают не конкретные группы общественных отношений, непосредственно регулирующиеся конституционно-правовыми нормами (большинство из которых, безусловно, подлежит уголовно-правовому обеспечению), а некие более абстрактные надконституционные общественные отношения (т. е. те, в рамках которых формируются социальные представления об идеальной форме политической системы), дестабилизация которых способна привести к исключению первых из сферы конституционно-правового регулирования в том объеме, в каком это будет необходимо экстремистам для установления в стране антидемократического режима.

1.9. При определении уголовно-правовых средств защиты демократии от ее политических противников германские теоретики констатируют наличие так называемой «демократической дилеммы», суть которой состоит в следующем: если демократическое конституционное государство борется с политическими экстремистами агрессивно, то *оно* ликвидирует демократическую свободу и, соответственно, само себя; если же такое государство не устанавливает ограничений прав экстремистов, то *они* ликвидируют свободу и, соответственно, демократическое конституционное государство¹. В диссертации обосновывается компромиссное решение данной проблемы: если либерально-демократическое конституционное государство борется с экстремистами снисходительно, устанавливая уголовную ответственность только за совершение ими наиболее эффективных для цели свержения демократического режима деяний, отдавая при

¹ См., напр.: Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2004. – S. 211.

этом приоритет общей превенции, нежели суровой каре, то, несмотря на вынужденное ограничение конституционных принципов, демократическая свобода в целом не ликвидируется, так как для законопослушных граждан ее по-прежнему остается больше, чем могло быть при антидемократическом режиме.

1.10. В числе специфичных принципов предлагаемой уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации – принцип «взвешенного уголовно-правового риска». Он предполагает, что при разработке диспозиций составов преступлений против либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации необходимо свести степень вероятности бесосновательного (ошибочного) привлечения к уголовной ответственности за совершение таких деяний к уровню неизбежного риска гипотетически возможной уголовно-правовой несправедливости в общей массе иных случаев. Теоретически неустраняемая допустимость невинного привлечения к уголовной ответственности (в наиболее сложных, запутанных ситуациях) не должна рассматриваться в качестве неоспоримого аргумента против наличия в уголовном законе соответствующих статей, если в силу специфики объекта уголовно-правовой охраны наука не в состоянии предложить более точные диспозитивные формулировки.

1.11. Противодействие экстремистам посредством уголовного права не может предусматривать введение в Российской Федерации политико-идеологической цензуры средств массовой информации вопреки ч. 5 ст. 29 Конституции РФ. Принцип «отсутствия политической цензуры» означает, что в условиях либерально-демократического режима не представляется рациональным установление уголовно-правового запрета на свободное распространение материальных носителей и электронных источников текстовой, графической, аудиовизуальной или иного типа информации, содержащих (отражающих) концептуальные положения или отдельные элементы (признаки) экстремистской идеологии (т. е. экстремистских материалов), если такая деятельность осуществляется в научно-просветительских, превентивных, воспитательных, коммерческо-издательских и других целях, не преследующих умышленное внедрение в общественное сознание антиконституционных установок. Однако легально обнародованные, в частности, печатные экстремистские материалы должны являться самостоятельными непригодными средствами пропаганды экстремистской идеологии, в связи с чем их авторы (составители) и изготовители будут обязаны соблюдать законодательно определенные редакционно-издательские требования (изложенные в ч. 3 ст. 7 авторского проекта Федерального закона «Об обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации»). Их игнорирование при отсутствии умысла на пропаганду экстремистской идеологии повлечет административную ответственность для физических и юридических лиц, причастных к совершению данного правонарушения.

1.12. В плоскости проводимой в настоящее время государственной политики в области борьбы с «экстремизмом» находится не уголовно-правовая охрана политико-идеологического фундамента конституционного строя Российской Федерации, а противодействие возбуждению социальной розни в его многогранных субъективно-оценочных проявлениях, что неправильно. Всякое по-

добное «возбуждение» утрачивает свою феноменальную и юридическую самостоятельность вне контекста пропаганды экстремистской идеологии и (или) публичных призывов к совершению преступлений. Вне органической связи с названными деяниями «возбуждение ненависти либо вражды» (ст. 282 УК РФ) является не более, чем своеобразным «испытанием терпения» «злоумышленниками» конкретной социальной группы посредством язвительной критики (часто необоснованной, преувеличенной, заведомо не соответствующей действительности) или высмеивания, обзывания и т. п., носящих в представлении всех или отдельных ее членов оскорбительный (унижающий, попирающий и т. п.) характер. Такого рода поступки не имеют отношения к экстремистской деятельности и не представляют общественной опасности в уголовно-правовом смысле.

2. Научно-практические положения:

2.1. В рамках намеченной уголовно-правовой политики предлагается следующий вариант изложения ч. 1 ст. 2 УК РФ: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана и обеспечение естественных (неотчуждаемых) и иных общепризнанных либеральных прав и свобод человека и гражданина, демократического конституционного строя, гарантирование общественной, экологической, экономической, информационной и государственной безопасности, мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

2.2. Название гл. 29 УК РФ целесообразно сформулировать так: «Преступления против либерально-демократических основ конституционного строя и иные антигосударственные преступления».

2.3. Действующий п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ следует признать утратившим юридическую силу.

В п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ разумно использовать другое обозначение указанных квалифицирующих признаков – «на почве экстремистской идеологии». Данную формулировку надлежит органично вписать и в диспозицию ч. 4 ст. 150 УК РФ.

2.4. Действующие ст. 205.2 и ч. 3 ст. 212 УК РФ следует признать утратившими юридическую силу. Необходимо отражение в уголовном законодательстве нижеизложенного состава преступления.

Статья 212.1. Публичные призывы к совершению преступлений

1. Публичные призывы к совершению преступлений небольшой или средней тяжести против личности –

наказываются ограничением свободы на срок до четырех лет либо принудительными работами на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

2. Публичные призывы к совершению тяжких или особо тяжких преступлений –

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере зара-

ботной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо без такового.

2.5. Действующая редакция ст. 278 УК РФ нуждается в основательном пересмотре. Далее предлагается авторский вариант ее изложения.

Статья 278. Деятельность по захвату власти или присвоению властных полномочий

1. Действия, направленные на захват государственной власти или присвоение властных полномочий, совершаемые с целью установления в Российской Федерации антидемократического политического режима, а равно ликвидации (свержения) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации, –

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Те же действия, сопряженные с организацией вооруженного мятежа либо активным участием в нем, а равно совершаемые с применением насилия или угрозой его применения, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Универсальное примечание к ст. 275 УК РФ справедливо дополнить указанием на то, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 278 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности при наличии сформулированных в указанном примечании оснований.

2.6. Введение ч. 2 ст. 278 УК РФ сделает непрактичным установление уголовной ответственности за вооруженный мятеж в контексте ст. 279 УК РФ. Вместо последней рекомендуется иная уголовно-правовая норма.

Статья 279.1. Сепаратизм

1. Действия, направленные на осуществление выхода субъекта Российской Федерации или его части из состава Российской Федерации в нарушение территориальной целостности государства, не обусловленные намеренным попранием Российской Федерацией конституционных и общепризнанных на международном публично-правовом уровне принципов равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории Российской Федерации, –

наказываются лишением свободы на срок до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Те же действия, сопряженные с организацией вооруженного мятежа либо активным участием в нем, а равно совершаемые с применением насилия или угрозой его применения, –

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Примечание. Сепаратизм, совершаемый в антиконституционных, то есть антилиберальных, антидемократических целях, по смыслу настоящей статьи признается сепаратизмом.

Универсальное примечание к ст. 275 УК РФ справедливо дополнить указанием на то, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1

ст. 279.1 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности при наличии сформулированных в указанном примечании оснований.

2.7. Действующую ст. 280 УК РФ следует признать утратившей юридическую силу. Назрела потребность в научной разработке концептуально нового состава преступления.

Статья 280.1. Пропаганда экстремистской идеологии

1. Распространение политических взглядов и идей, не согласующихся с положениями, предусмотренными частью 1 статьи 1, статьями 2, 3 Конституции Российской Федерации, а равно отрицающих приоритетную ценность человека, его прав и свобод, провозглашенных Конституцией Российской Федерации и ратифицированными Российской Федерацией отраслевыми источниками международного права, в том числе концепцию демократического правового государства, если такое деяние совершается с целью внедрения в общественное сознание антиконституционных, то есть антилиберальных, антидемократических установок, –

наказывается штрафом в размере от пятнадцати тысяч до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) с использованием средств массовой информации;

б) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо арестом на срок до четырех месяцев.

3. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) главой (учредителем) общественного объединения политической направленности;

в) религиозным (духовным) деятелем;

г) педагогическим работником государственного либо негосударственного образовательного учреждения среднего, высшего или дополнительного профессионального образования, а равно преподавателем религиозного образовательного учреждения аналогичных уровней в учебно-образовательном процессе, –

наказывается принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо арестом на срок до шести месяцев с лишением права занимать определенные должности или занимать-

ся определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

4. Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, совершенное:

а) лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления;

б) лидером политической партии;

в) религиозным (духовным), этническим или национальным лидером, а равно лицом, занимающим высокое (авторитетное) положение в иерархии религиозных (духовных) служителей;

г) педагогическим работником начального, основного или среднего общеобразовательного учреждения, а равно преподавателем религиозного образовательного учреждения аналогичных уровней в учебно-образовательном процессе, –

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

2.8. Действующую ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ¹ (далее – КоАП РФ) «Производство и распространение экстремистских материалов» следует признать утратившей юридическую силу. Предлагается ввести в административное право нижеизложенный состав правонарушения.

Статья 20.29.1. Нарушение законодательных требований, предъявляемых к предназначенным для обнародования информационным материалам, содержащим признаки экстремистской идеологии

Нарушение установленных федеральным законодательством Российской Федерации редакционно-издательских и иных требований, предъявляемых к предназначенным для массового распространения материальным носителям и электронным источникам текстовой, графической, аудиовизуальной или иного типа информации, содержащим (отражающим) концептуальные положения или отдельные элементы экстремистской идеологии, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией указанных материалов и (или) оборудования, использованного для их производства; на должностных лиц – от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией указанных материалов и (или) оборудования, использованного для их производства; на юридических лиц – от пятиде-

¹ См.: СЗ РФ. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 1.

сяти тысяч до ста тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией указанных материалов и (или) оборудования, использованного для их производства.

2.9. Наравне с пропагандой экстремистской идеологии (ст. 280.1 УК РФ) целесообразна криминализация деяния, состоящего в умышленном распространении в российском обществе антиконституционных воззрений в религиозно-завуалированных формах, для чего была спроектирована соответствующая уголовно-правовая норма.

Статья 280.2. Анतिकонституционное истолкование религиозных текстов

1. Научное, теологическое, эзотерическое или иное истолкование текста Священного писания, другого религиозного или оккультного источника, констатирующее «богоугодность», «одобряемость» «сверхъестественной силой» экстремистской идеологии, совершаемое с целью внедрения в общественное сознание антиконституционных, то есть антилиберальных, антидемократических установок, –...

Квалифицирующие признаки и санкции данного состава преступления тождественны ранее указанным в ст. 280.1 УК РФ.

2.10. Действующие ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ следует признать утратившими юридическую силу. Рекомендуются отражение в уголовном законе другого состава преступления.

Статья 282.3. Нарушение запрета на право въезда в Российскую Федерацию иностранными гражданами и лицами без гражданства, уличенными в русофобских и антироссийских акциях

1. Въезд на территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации, получивших в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, от дипломатического представительства или консульского учреждения Российской Федерации соответствующее уведомление о запрете на въезд в Российскую Федерацию либо отказ в выдаче визы или иного разрешения, необходимого для правомерного пребывания в Российской Федерации, в связи с совершением вне пределов Российской Федерации умышленных деяний, направленных на разжигание социальной нетерпимости по отношению к гражданам Российской Федерации или выходцам из республик бывшего СССР, владеющим русским языком и не утратившим культурные и исторические связи с Российской Федерацией, унижение их чести и национального достоинства, умаление героических подвигов и заслуг участников Великой Отечественной войны, осквернение государственной символики Российской Федерации, исторической символики СССР или Российской империи, мемориальных комплексов, памятников истории и культуры России, публичную клевету в отношении выдающихся деятелей России, а также иных действий на почве русофобских, антирусских или антироссийских настроений, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации, –

наказывается арестом на срок до шести месяцев со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуж-

денного за период до восемнадцати месяцев либо без такового либо лишением свободы на срок до трех лет со штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо без такового.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с целью совершения преступления на территории Российской Федерации;

в) с применением насилия или угрозой его применения, –

наказывается лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо без такового.

2.11. Действующий Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»)¹ не отражает научно обоснованных представлений об экстремизме и на основании этого подлежит отмене. Вместо него целесообразно принятие авторского Федерального закона «Об обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации», раскрывающего основные концептуальные положения планируемой уголовно-правовой политики. В качестве дополнительного источника права, способствующего конституционно-конформной реализации предложенных уголовно-правовых норм, в работе предлагается проект постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях против либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации».

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются применением классической научной методологии, опорой на широкую теоретическую и достаточную эмпирическую базы, многократной проверкой выводов работы на доктринальную устойчивость перед встречной критикой в процессе их апробации.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

– вносится научная определенность в понимание конституционного строя Российской Федерации как объекта уголовно-правовой охраны, в результате чего открываются новые уголовно-политические перспективы;

– приводится около 20 авторских дефиниций ключевых терминов, образующих в совокупности понятийно-категориальный аппарат, позволяющий создать в рамках российской науки уголовного права и криминологии собственное учение об экстремизме, органично сочетающее политико-философские и государственно-правовые подходы (в т. ч. европейские) к познанию данного феномена;

¹ См.: СЗ РФ. – 2002. – № 30, ст. 3031.

– впервые излагается научно-концептуальный элемент уголовно-правовой политики по обеспечению незыблемости (постоянства) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации, что формирует зачатки относительно самостоятельной уголовно-правовой школы;

– моделируются специфичные уголовно-правовые нормы, некоторые из которых (например, проекты ст. 280.1, 280.2 УК РФ), вероятно, заинтересуют западных ученых-криминалистов (ведь концепция настоящего исследования претерпела определенное влияние германской политико-правовой мысли), что могло бы повысить международный авторитет российского (национального) уголовного права.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в диссертации выводы и предложения могут быть использованы:

– как научные аргументы в пользу необходимости существенного пересмотра государством проводимой «антиэкстремистской» кампании;

– в ходе предполагаемого реформирования механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере охраны конституционного строя Российской Федерации;

– на стадии предстоящего проектирования законов, подзаконных нормативных актов и судебных прецедентов, способствующих конституционно-конформной реализации предложенных уголовно-правовых новелл;

– в учебно-образовательном процессе (в частности, при разработке тематического спецкурса в рамках направления подготовки (специальности) 030901 – «Правовое обеспечение национальной безопасности»).

Апробация результатов исследования и их внедрение осуществлены в нескольких формах. Концепция либерально-демократического консерватизма была изложена в рамках круглого стола на тему «Правовая охрана конституционного строя и безопасности государства: современные подходы и международно-правовой опыт», проведенного Комитетом Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества 18 февраля 2014 г. Основные теоретические и практические положения диссертации получили отражение в 22 статьях, опубликованных в 7 ведущих рецензируемых научных журналах, указанных в перечне ВАК Минобрнауки России; четырех авторских и одной выполненной в соавторстве монографиях; 12 сборниках материалов международных и всероссийских конференций (семинаров); двух тематических учебных пособиях, задействованных в учебно-образовательном процессе ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации», ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», разосланных (как и монографии) в профильные высшие учебные заведения Российской Федерации; в других источниках. Общий объем публикаций по теме исследования – 75 п. л.

Структура диссертационной работы определена целью и задачами исследования и включает введение, двадцать восемь параграфов, размещенных в

шести главах и трех разделах, заключение, библиографический список и два приложения.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его объект и предмет, цель и задачи; характеризуется степень научной разработанности обозначенного направления; раскрываются методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования; указываются его научная новизна и рабочая гипотеза, формулируются положения, выносимые на защиту; отмечаются их достоверность и обоснованность, теоретическая и практическая значимость; приводятся сведения об апробации и внедрении полученных результатов и структуре диссертации.

Раздел I «Сущность безопасности конституционного строя Российской Федерации» состоит из двух глав и посвящен междисциплинарному (на стыке политологии, конституционного и уголовного права) определению категории «безопасность конституционного строя» в контексте охраны правовой структуры демократического государства от экстремистских посягательств.

Глава 1 «Конституционный строй Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны» включает два параграфа и имеет целью решение задачи конкретизации круга общественных отношений, подлежащих уголовно-правовому регулированию нормами гл. 29 УК РФ.

В § 1.1 «*Конституционно-правовое и уголовно-правовое соотношение понятий "конституционный строй" и "основы конституционного строя"*» констатируется проблема, кратко отмеченная в абзаце 3 актуальности темы исследования, обосновываются выводы, изложенные в пп. 1.1, 1.6, 2.1, 2.2 положений, выносимых на защиту.

Обращается внимание на тот факт, что конституционно-правовые определения понятий «конституционный строй» и «основы конституционного строя», на которые ссылаются многие учебные пособия по уголовному праву России (в контексте ч. 1 ст. 2 УК РФ и гл. 29 УК РФ), нередко носят абстрактно-теоретический характер, не имея уголовно-правовой конкретизации. Конституционалисты не задумываются над тем, как на основе тех или иных предлагаемых ими дефиниций можно будет в дальнейшем спроектировать диспозицию состава преступления, посягающего на основы конституционного строя Российской Федерации. Это задача исключительно уголовно-правовой науки, остающаяся до настоящего времени без должного внимания.

В § 1.2 «*Уголовно-правовое определение безопасности конституционного строя Российской Федерации сквозь призму конституционной идеологии*» приводятся рассуждения, доказывающие, что, во-первых, Конституция РФ отражает четкое политическое мировоззрение, и, во-вторых, именно либеральная демократия образует де-юре политико-идеологический фундамент конституционного строя Российской Федерации. Аргументируются тезисы, изложенные в пп. 1.1, 1.4 (абзаце 2), 1.7, 1.8 положений, выносимых на защиту.

Делается вывод о том, что с позиций современной науки уголовного права безопасность конституционного строя Российской Федерации в общих чертах можно определить как состояние защищенности юридическими (в частности уголовно-правовыми) средствами политико-правового фундамента Основного Закона демократического правового государства от внутренних и внешних угроз (политико-идеологических стремлений) антиконституционного, т. е. антилиберального, антидемократического характера.

Глава 2 «Политический экстремизм как прямая угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации» включает шесть параграфов: § 2.1 «Политико-правовое определение экстремистской идеологии как мировоззренческого базиса политического экстремизма», § 2.2 «Терроризм как производное от политического экстремизма социальное явление», § 2.3 «Основные виды политического экстремизма в Российской Федерации: правый, левый, религиозный», § 2.4 «Экстремистская деятельность как совокупность противоправных форм политического экстремизма», § 2.5 «Отграничение политического экстремизма от демократического скепсиса, политического радикализма, религиозного фундаментализма и социального (политического и правового) нигилизма», § 2.6 «Косвенные угрозы безопасности конституционного строя Российской Федерации» и содержит целостный понятийно-категориальный аппарат, закладывающий теоретические основы намечаемой уголовно-правовой политики.

Предлагаются дефиниции таких понятий, как «экстремистская идеология» (п. 1.5 положений, выносимых на защиту), «антидемократическая идеология», «антиконституционная идеология», «террористическая идеология», «экстремистские материалы» (п. 1.11 положений, выносимых на защиту), «экстремизм» (п. 1.5 положений, выносимых на защиту), «вид экстремизма», «правый экстремизм», «левый экстремизм», «религиозный экстремизм», «форма экстремизма», «терроризм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» (п. 1.5 положений, выносимых на защиту), «преступления против основ конституционного строя», «террористическая деятельность». Определяется соотношение экстремизма с понятиями «демократия», «демократический скепсис», «радикализм (политический)», «фундаментализм (религиозный)», «социальный нигилизм», «политический нигилизм», «правовой нигилизм». Раскрывается сущность косвенных угроз безопасности конституционного строя Российской Федерации. При этом концептуальная опора исследования строится на развитии идей как отечественных ученых-либералов, так и западных специалистов¹.

¹ В частности, приводится изречение профессора Э. Йессе, отмечающего, что понятие «экстремизм» является прямо противоположным понятию «демократическое конституционное государство», т. е. фактически речь идет об антитезисах. Экстремизм и демократия, по его мнению, соотносятся по такому же принципу, как огонь и вода. Они непримиримы друг с другом. См.: *Jesse E.* Op. cit. S. 21–22. В свою очередь, профессор Х.-Г. Яшке утверждает, что демократии без экстремистских течений точно так же труднообразимы, как и общество без преступности. Экстремизм является одним из наиболее выраженных патологических компонентов современных демократических обществ. Исследование экстремизма – это всегда также прикладное исследование демократии. См.: *Jaschke H.-G.* Politischer Extremismus. – Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, GWV Fachverlage GmbH, 2006. – S. 12.

Подчеркивается то обстоятельство, что без уяснения сущности демократии¹ невозможно сформировать адекватные теоретические представления об экстремизме и тем более предложить эффективный комплекс уголовно-правовых мер, направленных на противодействие экстремистской деятельности. Упоминается п. 3 Резолюции 1344 (2003 г.) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), согласно которому экстремизм по своей природе является такой формой политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и очень часто строит свою идеологию, политическую практику и поведение на интолерантности, исключительности, ксенофобии, антисемитизме и ультранационализме. Кроме того, термин «демократия» встречается в уголовном законодательстве ряда развитых зарубежных государств, например, в гл. 1 «Измена миру, государственная измена, угроза демократическому правовому государству» Особенной части Уголовного закона Федеративной Республики Германия от 15 мая 1871 г., ст. 270bis «Объединение в целях международного терроризма или подрыва демократического строя» Уголовного кодекса Италии от 19 октября 1930 г., ч. 3 ст. 260^{quinquies} «Финансирование терроризма» Уголовного закона Швейцарской Конфедерации от 21 декабря 1937 г., гласящей: «Деяние не рассматривается как финансирование террористического преступления, если оно было направлено на установление или восстановление демократических и правовых государственных отношений или на реализацию или охрану прав человека».

Не менее значимый вывод, на котором акцентируется внимание в настоящей главе, состоит в недопустимости отождествления экстремизма с политическим радикализмом. Под последним следует понимать крайнюю левую либо крайнюю правую (относительно демократического централизма) политическую позицию, выступающую за ультимативное, неординарное коренное реформирование (преобразование) политической и (или) экономической систем, но всегда признающую незыблемость либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации.

Помимо всего прочего, отмечается, что в России судебные эксперты по делам о «преступлениях экстремистской направленности» часто исходят из собственных идейных и морально-нравственных позиций, «дополняющих» содержание и без того абстрактных словарно-лингвистических толкований тех или иных лексических единиц. Для них законодательно не определены какие-либо рамки, границы или область «философствования», т. е. исходный теоретический базис, на основе которого им надлежит строить свои суждения. В результате основанные на субъективно-оценочных представлениях деструктивность, аморальность и даже «богомерзость» конкретной информации нередко ошибочно ассоциируются с признаками экстремистской идеологии.

¹ По мнению диссертанта, демократия – это не только, выражаясь словами 16-го американского президента А. Линкольна, «правление народа, избранное народом и для народа», но прежде всего политическое мировоззрение, основу которого составляют социальные представления о человеке, его естественных (неотчуждаемых) правах и свободах как высшей ценности, идеи конституционного, правового государства. В результате такого уточнения понятия «демократия» и «либеральная демократия» становятся синонимами.

Раздел II «Проводимая уголовно-правовая политика в сфере охраны основ конституционного строя Российской Федерации» состоит из двух глав, в которых дается оценка результативности нынешней «антиэкстремистской» кампании.

Глава 3 «Научно-теоретические проблемы современной уголовно-правовой политики в сфере охраны основ конституционного строя Российской Федерации» включает три параграфа и раскрывает содержание доктринальных пробелов, присущих условно существующим стратегии и тактике борьбы с преступностью в рассматриваемой области.

В § 3.1 «Отсутствие законодательных представлений о предмете уголовно-правового воздействия» обосновываются тезисы, сформулированные в абзацах 8, 9, 11 актуальности темы исследования, п. 1.12 положений, выносимых на защиту.

Опасения вызывает тот факт, что российский законодатель не усматривает существенной разницы между конституционно дозволенным (но в некоторых случаях субъективно антиобщественным) поведением и антиконституционной, т. е. экстремистской деятельностью. Не является преувеличением суждение о том, что реальный экстремизм (разве что за исключением его некоторых ультраправых разновидностей) оказался сегодня вне научного и правотворческого поля зрения из-за искусственно образовавшегося «тумана» безответственных теоретических взглядов и убеждений, получивших отражение в действующем уголовном законодательстве.

В § 3.2 «Неопределенность научной классификации преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации как следствие несоблюдения законодателем гносеологических правил юридической техники» констатируется многообразие отраженных в учебной и научной литературе взглядов на дифференциацию составов преступлений, образующих гл. 29 УК РФ, в зависимости от их непосредственного объекта посягательства.

Отмечается парадокс российского уголовного правотворчества, состоящий в том, что деяние сначала криминализируется, а затем начинается научная полемика по поводу того, какому именно общественному отношению и благу причиняется вред в результате его совершения.

В § 3.3 «Теоретическая нерешенность "демократической дилеммы" в контексте уголовно-правового противодействия антиконституционным стремлениям» раскрывается содержание п. 1.9 положений, выносимых на защиту.

Обращается внимание на то, что разработка эффективного юридического механизма защиты правовой структуры демократического государства относится к числу наиболее актуальных в современном мире и одновременно трудноразрешимых проблем уголовно-правовой науки.

Охрана конституционного строя, в сущности, сводится к гарантированию и обеспечению реализации конкретного имевшего однажды место волеизъявления преобладающего большинства граждан относительно желаемой политической организации общества, получившего свое закрепление в основном законе (конституции). При этом «демократическая дилемма» проявляет себя уже в тот

момент, когда обнаруживается потребность в уголовно-правовой «консервации» основ (базиса) демократической политической системы, что приводит к подчинению политической воли «несогласных» позитивному праву, отражающему принципы и ценности новой, пришедшей на смену прежней, политической идеологии. Как следствие, признанная демократия утрачивает свойство идеального политического баланса, равновесия групповых интересов, приобретающая отчетливые политико-репрессивные (авторитарные) свойства политического мировоззрения, отрицающего фактическое народовластие. В то же время если такого рода законодательные меры не принимаются, то возникает неоспоримая угроза общепризнанным правам и свободам человека и гражданина, которые утратят свое приоритетное социально-правовое значение в результате установления антидемократического режима.

Глава 4 «Уголовно-правовая оценка эффективности составов преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации de lege lata» включает шесть параграфов: § 4.1 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ)», § 4.2 «Вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ)», § 4.3 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)», § 4.4 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)», § 4.5 «Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ)», § 4.6 «Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ)», в которых дается развернутая уголовно-правовая характеристика элементов и признаков соответствующих составов преступлений, отраженных в действующем российском уголовном законодательстве. Основное внимание уделяется выявлению критических оснований, ставящих под сомнение состоятельность законотворческого элемента текущей уголовно-правовой политики в сфере охраны основ конституционного строя Российской Федерации. Делается вывод о том, что все перечисленные уголовно-правовые нормы следует признать утратившими юридическую силу, за исключением ст. 278 УК РФ, нуждающейся в определенных изменениях.

Так, сконцентрировав внимание в ст. 278 УК РФ только на насильственной форме захвата государственной власти, законодатель не учел, что его претворение в реальность всегда начинается с установления контроля над коллективными представлениями об идеальной политической системе, равно как и о соответствующих политических силах в лице наиболее активного субъекта политической деятельности. Изменению конституционного строя государства не может не предшествовать умышленная перестройка политического сознания подавляющего большинства граждан. Причем, как правило, при отсутствии идеологического противодействия экстремистам со стороны государственной власти этот процесс до поры до времени не бывает сопряжен с применением насилия (как и угрозой его применения) по тактико-стратегическим соображениям.

Раздел III «Проектируемая уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации» состоит из двух глав, освещающих теоретические и практические основы

предлагаемого механизма уголовно-правовой охраны общественных отношений, гарантирующих несменяемость либерально-демократического режима в Российской Федерации.

Глава 5 «Концептуальные начала уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации» включает три параграфа, в которых раскрываются доктринальные элементы предполагаемой уголовно-правовой реформы.

В § 5.1 «Цель и задачи уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации» определяется, что целью такой политики является гарантирование мерами уголовно-правового воздействия состояния защищенности политико-идеологического фундамента Основного Закона государства, базирующегося на легитимном признании принципов и ценностей либеральной демократии как наиболее социально справедливой, гуманной и открытой формы политической организации современного российского общества, от экстремистских посягательств, т. е. внутренних и внешних угроз антиконституционного (антилиберального, антидемократического) характера. Она предполагает создание уголовно-правового барьера, исключающего в неопределенном будущем гипотетическую возможность толкования как действующих сегодня уголовно-правовых, так и опосредованно конституционно-правовых норм через призму экстремистской идеологии. Иными словами, указанная цель подразумевает повышение «иммунитета» уголовного права к его теоретически допустимой антиконституционной расширительной (прежде всего аутентической и делегированной) интерпретации в политически нестабильных (кризисных, революционных и т. п.) ситуациях, вызванных, например, проникновением экстремистов в высшие органы государственной власти, а равно интенсивным антилиберальным, антидемократическим лоббизмом.

Исходя из специфики обозначенной цели, формулируются задачи планируемой уголовно-правовой политики, взаимосвязанные с задачами настоящего исследования.

В § 5.2 «Принципы уголовно-правовой политики в области борьбы с политическим экстремизмом» формулируются соответствующие направляющие позиции: 1) социально-политическая обусловленность; 2) научная обоснованность; 3) конституциональность (законность); 4) гуманность; 5) справедливость; 6) равенство граждан перед законом; 7) экономия уголовной репрессии; 8) прогнозирование; 9) взвешенный уголовно-правовой риск (п. 1.10 положений, выносимых на защиту); 10) отсутствие политической цензуры (п. 1.11 положений, выносимых на защиту). Раскрывается присущая им специфика.

Например, принцип гуманности означает, что основополагающий либеральный постулат «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» в условиях демократического политического режима не утрачивает значения даже в отношении тех, кто его идеологически отрицает посредством совершения преступлений антиконституционной направленности. Виновные должны рассматриваться властью не как «убежденные враги» общества или государства, а прежде всего как недостаточно политически и юридически образованные лица, имеющие скудные или ошибочные, нередко неосмысленно перени-

мающие чужие ложные знания о подлинной сущности пропагандируемой ими экстремистской идеологии, питающие наивные иллюзии по поводу возможности достижения некой «абсолютной свободы» в результате установления «истинно справедливого» антидемократического режима, глубоко заблуждающиеся относительно наличия в будущем организационно-правовых гарантий как личной безопасности, так и безопасности своих родных и близких в случае фактического претворения экстремистских установок в политическую реальность. Либерально-демократическое государство преследует экстремистов не с целью «идеологического возмездия», а, как это ни странно звучит, ради обеспечения в будущем их же естественных (неотчуждаемых) конституционных прав и свобод, от которых они неосознанно стремятся отказаться.

В свою очередь, принцип справедливости предполагает, что устанавливаемые новыми санкциями виды и размеры (сроки) уголовного наказания, назначаемого экстремисту, должны оказывать на него, по возможности, реальное исправительное (воспитательное) воздействие (наказание должно если не искоренить, то, по крайней мере, снизить уверенность осужденного в правильности своих поступков; важно не допустить формирования у молодого преступника деструктивной установки «мое дело правое, именно за это меня и посадили»). Лицам в возрасте от 16 до 22 лет, совершившим преступление против либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации небольшой или средней тяжести, назначение уголовного наказания в виде лишения свободы на определенный срок разумным не представляется. Государственные (политические) и религиозные (духовные) деятели, этнические, национальные лидеры, педагогические работники, уличенные в совершении антиконституционных деяний при исполнении ими общественных или профессиональных (служебных) обязанностей, подлежат более строгому уголовному наказанию с учетом наличия квалифицирующего признака (специальный субъект преступления). Санкции соответствующих статей уголовного закона не могут по своей строгости быть аналогичными тем, которые предусматривались статьями уголовного законодательства советского периода за антигосударственные преступления и различные формы антисоветской (контрреволюционной) пропаганды и агитации.

В § 5.3 *«Концепция либерально-демократического консерватизма как средство легитимации уголовно-правового противодействия антиконституционным стремлениям»* уточняется главная руководящая идея настоящего исследования, излагаются ее легитимные (конституционно-конформные) основания (некоторые из них отражены в пп. 1.2, 1.3, 1.4 (абзаце 1) положений, выносимых на защиту), рассматриваются возможные аргументы «против» предложенной доктрины, но многие из научных опасений оказываются утрюрованными либо утрачивают свою актуальность в контексте уже сформулированных принципов уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации.

В отличие от «естественного» уголовно-правового механизма регулирования общественных отношений, складывающихся в рамках существующего конституционного правопорядка, предложенная концепция подразумевает кон-

сервацию (т. е. «увечковечение», сохранение в неопределенном будущем) либерально-гуманистического (ст. 2 Конституции РФ) и демократического (ст. 3 Конституции РФ) внутренне взаимосвязанных «сверхпринципов» (можно сказать, надконституционных начал, поскольку их легитимность не должна подлежать сомнению даже в условиях спровоцированного экстремистами кризиса демократической политической культуры) посредством принятия специфичных уголовно-правовых норм, призванных обеспечить незыблемость политико-идеологического фундамента конституционного строя Российской Федерации путем «ограждения» общественного сознания от воздействия экстремистской пропаганды.

«Воинственность» такой позиции объясняется, в частности, положительным, не терпящим отлагательств (из-за имеющихся потенциальных угроз внутренней безопасности) ответом на парадоксальный философский вопрос о том, может ли демократия «защищаться» государством в исключительных случаях от «воли» большинства граждан. Он порождает, на первый взгляд, сомнения в реальности (точнее, в возможности) существования демократической политической системы вообще, ведь фактически сказанным констатируется наличие не открытой, а какой-то внутренне противоречивой «политико-репрессивной (авторитарной) демократии». В то же время отсутствуют логические основания полагать, что правовые ограничения народовластия, вызванные необходимостью признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека, свидетельствуют о недемократическом характере уголовно-правовой политики в рассматриваемой области.

Обращается внимание на то, что необходимо исключить возможность возникновения ситуации, при которой российский уголовный закон, направленный де-юре на защиту либерально-демократических основ конституционного строя, станет де-факто гарантом «легитимности» какой-либо одной влиятельной политической партии, формально провозглашающей себя «либерально-демократической», и одновременно выступит «легальным» средством авторитарного подавления других конституционно-конформных оппозиционных политических сил.

Глава 6 «Правотворческая форма реализации уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации de lege ferenda» включает восемь параграфов и раскрывает содержание законотворческого элемента новой государственной стратегии и тактики уголовно-правовой борьбы с проявлениями политического экстремизма.

В § 6.1 «Публичные призывы к совершению преступлений (ст. 212.1 УК РФ)» излагается и обосновывается проект одноименного состава преступления (п. 2.4 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Предварительно анализируются схожие зарубежные уголовно-правовые нормы (Австрии, Германии, Швейцарии).

Криминализация публичных призывов к совершению преступлений не только могла бы избавить уголовный закон от внутренних противоречий, обу-

словленных конкуренцией излишних уголовно-правовых норм, но также вместе с иными уголовно-правовыми запретами значительно повысить эффективность противодействия политическим стремлениям, направленным на ликвидацию (свержение) либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации. Так, норма должна обеспечить неотвратимость уголовного наказания экстремистов в тех случаях, когда установление политико-идеологической ориентации агитаторов (т. е. признаков пропаганды экстремистской идеологии) представляется затруднительным, но при этом имеются признаки массовых призывов к совершению уголовно наказуемых деяний.

В § 6.2 «Деятельность по захвату власти или присвоению властных полномочий (ст. 278 УК РФ)» излагается и обосновывается авторская редакция одноименного состава преступления (п. 2.5 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Поясняется, что согласно ч. 1 ст. 278 УК РФ (в отличие от диспозиции действующей ст. 278 УК РФ) применение насилия или угроза его применения не являются конструктивными признаками объективной стороны преступления. В данном случае в числе средств захвата государственной власти или присвоения властных полномочий может быть использование всевозможных форм (технологий) политического лоббизма (в т. ч. формально правомерных), различных коррупционных схем (например, в сфере избирательного права) и т. п. Таким образом, термин «захват» в ч. 1 ст. 278 УК РФ следует интерпретировать не как результат применения объективно выраженной политической агрессии, а как феномен, близкий по своей природе «политическому рейдерству», совершаемому в антилиберальных, антидемократических целях. При этом выражение «присвоение властных полномочий», используемое в настоящей статье, надлежит истолковывать не как разновидность должностного преступления, предусмотренного ст. 288 УК РФ «Присвоение полномочий должностного лица», а как фактическую узурпацию политической власти экстремистами.

При определении «действий, направленных на...» по смыслу спроектированной ст. 278 УК РФ судебные органы должны исходить из того, насколько высока была степень пригодности конкретных действий лица для достижения им главного преступного результата, а также насколько вероятно было достижение им главного преступного результата вследствие совершения определенных действий.

В § 6.3 «Сепаратизм (ст. 279.1 УК РФ)» излагается и обосновывается проект одноименного состава преступления (п. 2.6 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Отмечается, что в диспозиции ч. 1 ст. 279.1 УК РФ под сепаратизмом не подразумевается сецессия, принявшая характер политического протеста коренных этносов (народов), чьи принципы равноправия и самоопределения были умышленно (намеренно) нарушены Российской Федерацией. Но под их «намеренным попранием» понимается вовсе не единичное (казуальное) совершение отдельным должностным (или иным) лицом какого-либо противоправного деяния, повлекшего соответствующий общественно неблагоприятный результат, а образовавшаяся практическая невозможность для ущемленных в законных пра-

вах и интересах граждан – представителей определенной этнической общности восстановить социальную справедливость в той ситуации, когда дискриминирующий политико-правовой акт получает одобрение со стороны большинства привилегированных групп, обладающих высшей политической властью в государственных и партийных институтах (в результате чего внутригосударственное обжалование решений последних становится заведомо бесперспективным). Напротив, если допущенное частное нарушение принципов равноправия и самоопределения коренных этносов (народов) вызвало публичное государственное порицание (выразившееся, в частности, в рассмотрении вопроса о привлечении к юридической ответственности виновных лиц) и сопряжено с принятием правительственных мер по ликвидации ущерба (заглаживанию вреда), причиненного правонарушением, то легальных оснований для сецессии не имеется.

Специфика указанной уголовно-правовой нормы состоит в том, что она устанавливает, с одной стороны, уголовную ответственность за сепаратизм (т. е. нелегальную сецессию), но с другой – конституционно-правовую ответственность самого государства за ненадлежащее обеспечение принципов равноправия и самоопределения этносов (народов), проживающих на территории Российской Федерации. Более того, сецессия считается правомерной, если она осуществляется с либерально-демократическими намерениями в многонациональном федеративном государстве, ставшем по различным причинам на путь антилиберального, антидемократического развития.

В § 6.4 «*Пропаганда экстремистской идеологии (ст. 280.1 УК РФ)*» излагается и обосновывается проект одноименного состава преступления (п. 2.7 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Со ссылкой на ч. 2 ст. 5 авторского проекта Федерального закона «Об обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации» уточняется, что к экстремистским идеологиям по смыслу предложенной ст. 280.1 УК РФ относятся: ультралевые (авторитарные, тоталитарные) формы марксизма-ленинизма; революционный анархизм (анархо-коммунизм, анархосиндикализм и др.); национал-социализм (нацизм, равно как и неонацизм) и его составляющие элементы (расизм, расовая гигиена, антисемитизм и иные разновидности крайней национальной нетерпимости, гендерная дискриминация, политически ориентированный социальный дарвинизм и др.); фашизм (равно как и неофашизм) и его составляющие элементы (этатизм, вождизм, шовинизм и др.); религиозно-фундаменталистские взгляды, а равно теолого-политические концепции, оправдывающие необходимость образования на территории Российской Федерации теократического или клерикально-монархического государства; другие неупомянутые системы или отдельные элементы концептуально оформленных политико-философских и религиозно-политических представлений антилиберального, антидемократического характера.

Оговаривается, что цель данного преступления, состоящая во внедрении в общественное сознание антиконституционных установок, отграничивает уго-

ловно наказуемое деяние от правомерного обнародования взглядов и идей экстремистского толка.

В § 6.4.1 *«Нарушение законодательных требований, предъявляемых к предназначенным для обнародования информационным материалам, содержащим признаки экстремистской идеологии (ст. 20.29.1 КоАП РФ)»* излагается и обосновывается проект одноименной административно-правовой нормы (п. 2.8 положений, выносимых на защиту). Необходимость ее принятия обусловливается ст. 280.1 УК РФ *«Пропаганда экстремистской идеологии»*.

Как было сказано в п. 1.11 положений, выносимых на защиту, массовое производство и распространение экстремистских материалов в научных, превентивных, воспитательных, сугубо коммерческих и иных конституционно-правомерных целях в принципе не подлежит ограничениям в демократическом правовом государстве. Тем не менее законодатель должен установить специальные редакционно-издательские требования (приводятся со ссылкой на ст. 7 авторского проекта Федерального закона *«Об обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации»*), предъявляемые к предназначенным для обнародования информационным материалам, содержащим признаки экстремистской идеологии. Это необходимо для того, чтобы подобного рода творения не принимались излишне доверчивыми и недостаточно осведомленными в политико-правовых вопросах адресатами (читателями, слушателями, зрителями) за источники *«абсолютной истины»*, что могло бы достигаться, в частности, общим указанием на уязвимость перед современной научной критикой отраженных в них концептуальных положений (но с полным сохранением авторского оригинала произведения экстремистского толка во избежание цензуры средств массовой информации). Установление уголовной ответственности за нарушение такого рода предписаний представляется несправедливым.

В § 6.5 *«Антиконституционное истолкование религиозных текстов (ст. 280.2 УК РФ)»* излагается и обосновывается проект одноименного состава преступления (п. 2.9 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Предложенный состав преступления, во-первых, предполагает *«точечное»* уголовно-правовое воздействие на сферу религиозно-фундаменталистских, теократических, клерикальных и т. п. экстремистских тенденций, получающих в России все большее распространение. Во-вторых, данная уголовно-правовая норма призвана воспрепятствовать антилиберальной, антидемократической политизации религий путем установления государственного контроля над информационным полем, в рамках которого должны будут складываться общественные представления относительно конкретных форм религиозного мировоззрения. В-третьих, отмеченная уголовно-политическая мера направлена на ликвидацию межрелигиозных (межконфессиональных) расхождений (по крайней мере на официальном уровне) в части обязательного признания либерально-демократических принципов.

В § 6.6 *«Нарушение запрета на право въезда в Российскую Федерацию иностранными гражданами и лицами без гражданства, уличенными в русофобских и антироссийских акциях (ст. 282.3 УК РФ)»* излагается и обосновы-

вается проект одноименного состава преступления (п. 2.10 положений, выносимых на защиту), дается уголовно-правовая характеристика его элементов и признаков.

Предложенная ст. 282.3 УК РФ представляет, с одной стороны, специфичный вариант ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», а с другой – относительно самостоятельный состав преступления, посягающего в т. ч. на общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации запрета, установленного ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, но с той спецификой, что его нарушение происходит на территории зарубежного государства и с практической стороны не является достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности по российскому законодательству. Данная уголовно-правовая норма представляется разумной прежде всего в плане защиты со стороны Российской Федерации иностранных граждан и апатридов, являющихся выходцами из республик бывшего СССР, не утративших культурные и исторические связи с Российской Федерацией (в частности для которых русский язык является вторым или единственным родным языком), от ультранационалистических и иных экстремистских посягательств за рубежом.

В параграфе затрагивается проблема реализации реального принципа действия уголовного закона (ч. 3 ст. 12 УК РФ) на практическом примере (массовые беспорядки в г. Львове 9 мая 2011 г.). Последствия Евромайдана (крупной акции протеста в Украине, начавшейся 21 ноября 2013 г.) подтверждают целесообразность принятия указанной нормы.

В § 6.7 «Признание п. "е" ч. 1 ст. 63 УК РФ утратившим юридическую силу» обосновывается необходимость исключения из уголовного закона указанного обстоятельства, отягчающего наказание.

Приводятся следующие аргументы в пользу сделанного вывода: 1) возможная экстремистская направленность деяния, не предусмотренного гл. 29 УК РФ, будет свидетельствовать вовсе не об особенном условии или способе его совершения, а только о наличии дополнительного непосредственного объекта посягательства; возведение последнего в ранг универсального квалифицирующего признака не имеет логического объяснения; 2) возникают сомнения в рациональности учета антиконституционных субъективных установок в качестве отягчающего обстоятельства при квалификации преступлений против либерально-демократических основ конституционного строя, принимая во внимание тот факт, что соучастие в пропаганде экстремистской идеологии (п. «б» ч. 2 ст. 280.1 УК РФ) может осуществляться, в частности, пособником не на почве экстремистских воззрений, а из корыстных, хулиганских и иных побуждений. Получается, что, совершив по факту одно и то же преступление экстремистской направленности, одному соучастнику дополнительно могут инкриминироваться экстремистские мотивы, а другому – нет, хотя объект преступного посягательства в обоих случаях одинаковый (отсутствует дополнительный непосредственный объект); 3) доказывание, равно как и опровержение экстремистской направленности того или иного деяния, составляет относительно трудоемкий процесс, нередко предполагающий назначение соответствующих судебных

экспертиз. Учитывая реалии российской судебно-следственной практики, очевидно, что указанное «общеквалифицирующее» обстоятельство не будет озадачивать следователей при уголовно-правовой квалификации, например, неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ), подмены ребенка (ст. 153 УК РФ) или организации незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), которые (впрочем, как и большинство других преступлений) могут являться завуалированными способами выражения антилиберальных, антидемократических взглядов.

При этом для аналогичных по своему содержанию квалифицирующих признаков, отраженных в ряде статей Особенной части УК РФ (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ и др.) предлагается введение нового единого их обозначения (п. 2.3 положений, выносимых на защиту).

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются ключевые выводы; обозначаются теоретические вопросы, нуждающиеся в дальнейшем, более глубоком научном изучении.

В качестве **приложений** к работе выступают авторские проекты Федерального закона Российской Федерации «Об обеспечении безопасности конституционного строя Российской Федерации» и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях против либерально-демократических основ конституционного строя Российской Федерации» (упоминаются в п. 2.11 положений, выносимых на защиту).

**По теме диссертационного исследования
автором опубликованы следующие работы:**

***Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах,
указанных в перечне ВАК Минобрнауки России***

1. *Сергун, Е. П.* Проблемы борьбы с экстремизмом в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 91–93. – 0,4 п. л.
2. *Сергун, Е. П.* К вопросу о соотношении экстремистских установок с преступным поведением // Вестник Российской правовой академии. – 2008. – № 3. – С. 39–41. – 0,4 п. л.
3. *Сергун, Е. П.* Научные подходы к определению понятия «преступление экстремистской направленности» // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 4. – С. 140–143. – 0,35 п. л.
4. *Сергун, Е. П.* Оценочный характер судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности ввиду неоднозначности практического разграничения экстремизма и радикализма // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 1. – С. 124–127. – 0,35 п. л.
5. *Сергун, Е. П.* К вопросу о криминализации экстремизма // Вестник Российской правовой академии. – 2011. – № 2. – С. 59–64. – 0,4 п. л.
6. *Сергун, Е. П.* «Публичные призывы к совершению преступлений» как возможный альтернативный состав преступления в российском уголовном праве // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 3. – С. 123–127. – 0,4 п. л.

7. *Сергун, Е. П.* Вопросы уголовно-правовой классификации преступлений против основ конституционного строя и безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 106–109. – 0,4 п. л.

8. *Сергун, Е. П.* Актуальные вопросы теории и практики применения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» // Правовая культура. – 2011. – № 1. – С. 104–111. – 0,4 п. л.

9. *Сергун, Е. П.* К вопросу о соотношении экстремизма и правового нигилизма // Правовая культура. – 2011. – № 2. – С. 98–101. – 0,3 п. л.

10. *Сергун, Е. П.* Демократическое правовое государство как объект уголовно-правовой охраны // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 126–130. – 0,35 п. л.

11. *Сергун, Е. П.* Уголовно-правовой запрет на право въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства с антироссийскими настроениями // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 6 (82). – С. 163–168. – 0,4 п. л.

12. *Сергун, Е. П.* Вопросы уголовно-правовой охраны демократии в открытом обществе // Правовая культура. – 2012. – № 1. – С. 126–131. – 0,4 п. л.

13. *Сергун, Е. П.* Государственная власть, основы конституционного строя и безопасность государства как объекты преступлений в структуре Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. – 2012. – № 1. – С. 39–43. – 0,4 п. л.

14. *Сергун, Е. П.* Проблема соотношения преступлений против основ конституционного строя и преступлений экстремистской направленности в науке российского уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 109–114. – 0,4 п. л.

15. *Сергун, Е. П.* Дилемма современной демократии как одна из актуальных проблем российской уголовно-правовой науки // Современное право. – 2012. – № 7. – С. 5–10. – 0,4 п. л.

16. *Сергун, Е. П.* Научное определение экстремистской идеологии как первоначальный этап разработки эффективной уголовно-правовой политики в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 4. – С. 40–45. – 0,35 п. л.

17. *Сергун, Е. П.* О криминологическом понимании правого и левого экстремизма // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 3. – С. 228–233. – 0,4 п. л.

18. *Сергун, Е. П.* Соотношение понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный фундаментализм» // Правовая культура. – 2012. – № 2 (13). – С. 99–103. – 0,35 п. л.

19. *Сергун, Е. П.* Криминализация пропаганды экстремистской идеологии как отличительная особенность новой уголовно-правовой политики в сфере обеспечения конституционной безопасности России // Вестник Саратовской го-

сударственной юридической академии. – 2013. – № 1. – С. 133–139. – 0,35 п. л.

20. *Сергун, Е. П.* Антиконтитуционное толкование исторических, политико-философских, религиозных и иных документальных источников как возможный состав преступления в российском уголовном праве // Вестник Российской правовой академии. – 2013. – № 1. – С. 61–66. – 0,35 п. л.

21. *Сергун, Е. П.* Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» // Правовая культура. – 2013. – № 1. – С. 99–105. – 0,4 п. л.

22. *Сергун, Е. П.* «Сепаратизм» как возможный состав преступления в российском уголовном праве // Правовая культура. – 2013. – № 2. – С. 53–58. – 0,4 п. л.

Монографии и тематические учебные пособия

23. *Сергун, Е. П.* Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : учеб. пособие / Е. П. Сергун ; под ред. Б. Т. Разгильдиева. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 100 с. – ISBN 5-7924-0395-3. – 6,25 п. л. *Удостоено 3-го места по уголовно-правовой номинации во Всероссийском конкурсе Ассоциации юридических вузов на лучшую аспирантскую научную работу по юридическим наукам в 2007 г.*

24. *Сергун, Е. П.* Экстремизм в российском уголовном праве (теоретико-дедуктивный подход) : монография / Е. П. Сергун. – М. ; Саратов : РПА Минюста России, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-89172-157-9. – 14 п. л.

25. *Сергун, Е. П.* Научно-теоретические вопросы в сфере уголовно-правовой охраны конституционного строя Российской Федерации : монография / Е. П. Сергун. – М. ; Саратов : РПА Минюста России, 2011. – 140 с. – ISBN 978-5-89172-331-3. – 8,25 п. л. *Вошла в число лучших научных книг 2011 г. в рамках Всероссийского конкурса, проводимого Фондом развития отечественного образования в номинации «юриспруденция».*

26. *Сергун, Е. П.* Экстремизм и терроризм как угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность: правовые и социально-гуманитарные аспекты : монография / Т. Д. Фёдорова (руководитель авт. коллектива), А. С. Мордовец, Д. С. Артамонов и др. – М. : РПА Минюста России, 2012. – 150 с. – ISBN 978-5-89172-394-8 – Гл. 3, § 3.3. – С. 88–94. – 0,5 п. л.

27. *Сергун, Е. П.* Экстремизм как угроза национальной безопасности России: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты : учеб. пособие / Е. П. Сергун. – М. : РПА Минюста России, 2012. – 103 с. – ISBN 978-5-89172-424-2. – 5,99 п. л.

28. *Сергун, Е. П.* Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-правовые аспекты : монография / Е. П. Сергун. – М. : РПА Минюста России, 2012. – 132 с. – ISBN 978-5-89172-428-0. – 7,67 п. л. Имеет рецензию: *Скляров С. В. Рецензия на монографию: Сергун Е. П. Экстремизм как угроза безопасности конституционного строя Российской Федерации: общетеоретические и уголовно-*

правовые аспекты. М.: РПА Минюста России, 2012. 132 с. // Правовая культура. – 2013. – № 1. – С. 201–203.

29. *Сергун, Е. П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации : монография / Е. П. Сергун. – М. ; Саратов : РПА Минюста России, 2013. – 344 с. – ISBN 978-5-89172-519-5. – 20,0 п. л. Имеет рецензию: Бытко Ю. И. Рецензия на монографию: Сергун Е. П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации. М.: РПА Минюста России, 2013. – 344 с. // Правовая культура. – 2013. – № 2. – С. 206–208.*

Другие публикации

30. *Сергун, Е. П. Особенности формирования законодательства по борьбе с экстремизмом в Российской Федерации // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы Междунар. науч. конф. (г. Тольятти, 20–23 апреля 2005 г.) // Правоотношения и юридическая ответственность. Ч. 2. – Тольятти : Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2005. – 279 с. – С. 119–122. – 0,15 п. л.*

31. *Сергун, Е. П. Понятие экстремизма, его соотношение с экстремистской деятельностью. Исламский экстремизм // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридического образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. (г. Москва, 13 октября 2005 г.) / отв. ред. И. Э. Звечаровский. – Т. 2. – М. : РПА Минюста России, 2005. – С. 232–237. – 0,2 п. л.*

32. *Сергун, Е. П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 2. – С. 192–199. – 0,35 п. л.*

33. *Сергун, Е. П. Понятие экстремистской организации по уголовному законодательству Российской Федерации // Вторые Всероссийские Державинские чтения (г. Москва, 9–10 ноября 2006 г.) : сб. ст. : в 8 кн. – Кн. 4 : Проблемы уголовного права и процесса / отв. ред. Н. Г. Иванов. – М. : РПА Минюста России, 2007. – 328 с. – С. 257–260. – 0,2 п. л.*

34. *Сергун, Е. П. Некоторые проблемные аспекты в области борьбы с экстремизмом // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2008. – 552 с. – С. 297–300. – 0,2 п. л.*

35. *Сергун, Е. П. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 Уголовного кодекса Российской Федерации) и принцип nullum crimen sine lege certa // Шестые Всероссийские Державинские чтения (г. Москва, 10 декабря 2010 г.) : сб. ст. : в 7 кн. – Кн. 5 : Проблемы уголовного права и криминологии, уголовно-процессуального права и криминалистики / отв. ред. Н. Г. Иванов, А. А. Усачев. – М. : РПА Минюста России, 2011. – 262 с. – С. 141–144. – 0,2 п. л.*

36. *Сергун, Е. П. Конституционность составов преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации // Актуальные проблемы правового и политического развития России : сб. материалов Всероссийской*

науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (г. Саратов, 21 апреля 2011 г.). – Вып. 4. – Саратов : Саратовский источник, 2011. – 109 с. – С. 84–88. – 0,15 п. л.

37. *Сергун, Е. П.* Проблема соотношения понятий «основы конституционного строя» и «основы безопасности государства» в российском уголовном праве // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов : материалы науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (г. Москва, 27 мая 2011 г.) / отв. ред. Б. В. Яценко. – М. : РПА Минюста России, 2011. – 454 с. – С. 262–265. – 0,15 п. л.

38. *Сергун, Е. П.* Современные проблемы науки уголовного права в сфере охраны конституционного строя Российской Федерации // Право и его реализация в XXI веке : сб. науч. тр. (по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, 29–30 сентября 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. С. Н. Туманова. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. – Ч. 2. – 492 с. – С. 454–456. – 0,2 п. л.

39. *Сергун, Е. П.* Некоторые размышления над содержанием Федерального закона «О противодействии терроризму» // Проблемы эффективности правоприменения в Российской Федерации : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. П. Сергуна. – М. ; Саратов : РПА Минюста России, 2011. – 195 с. – С. 108–113. – 0,2 п. л.

40. *Сергун, Е. П.* Проблема конституционных оснований российского уголовного закона на примере статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса Российской Федерации // Седьмые Всероссийские Державинские чтения (г. Москва, 16 декабря 2011 г.) : сб. ст. : в 7 кн. – Кн. 5 : Проблемы уголовно-процессуального и уголовного права, криминалистики и криминологии / отв. ред. Н. Г. Иванов, А. А. Усачев. – М. : РПА Минюста России, 2012. – 350 с. – С. 194–199. – 0,2 п. л.

41. *Сергун, Е. П.* К вопросу об уголовно-правовом определении понятия «экстремистские материалы» // Юридическая наука и правоприменение (V Саратовские правовые чтения) : сб. тезисов докладов Всероссийской науч.-практ. конф. (г. Саратов, 1–2 июня 2012 г.) / [редкол. : О. Ю. Рыбаков (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. – 300 с. – С. 152–153. – 0,15 п. л.

42. *Сергун, Е. П.* О понимании правового экстремизма в криминологии // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов : материалы науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей (г. Москва, 5 июня 2012 г.) / отв. ред. Б. В. Яценко. – М. : РПА Минюста России, 2012. – 458 с. – С. 283–287. – 0,2 п. л.

43. *Сергун, Е. П.* Политико-правовой подход к определению понятия «религиозный экстремизм» // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму : сб. науч. ст., докладов межвуз., межведомств., межрегион. науч.-практ. конф. (г. Ижевск, 27 сентября 2012 г.) / отв. ред. А. Р. Усиевич, Г. А. Шкляева. – Ижевск : ИжЮИ РПА Минюста России, 2012. – 174 с. – С. 122–127. – 0,2 п. л.

44. *Сергун, Е. П.* Легитимные основания криминализации пропаганды экстремистской идеологии // *Восьмые Всероссийские Державинские чтения* (г. Москва, 14 декабря 2012 г.) : сб. ст. : в 7 кн. – Кн. 5 : Проблемы уголовно-процессуального и уголовного права, криминалистики и криминологии / отв. ред. Н. Г. Иванов, А. А. Усачев. – М. : РПА Минюста России, 2013. – 420 с. – С. 238–242. – 0,2 п. л.

45. *Сергун, Е. П.* Возможности уголовного права в противодействии конфликтам на национальной почве // *Преступность, уголовная политика, уголовный закон* : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко ; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. – 652 с. – С. 436–438. – 0,15 п. л.

46. *Сергун, Е. П.* Правильное понимание экстремизма как необходимое условие эффективной уголовно-правовой политики в сфере обеспечения конституционной безопасности России // *Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики* : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 29 марта 2013 г.) / под науч. ред. В. Д. Зеленского. – Краснодар : КубГАУ, 2013. – 649 с. – С. 185–190. – 0,3 п. л.

47. *Сергун, Е. П.* Краткое определение основных понятий, входящих в общее с понятием «экстремизм» семантическое поле // *Эффективность правового обеспечения реформ на современном этапе развития Российского государства* : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. П. Сергуна. – М. : РПА Минюста России, 2013. – 128 с. – С. 83–87. – 0,3 п. л.

48. *Сергун, Е. П.* «Экстремистская идеология», «антидемократическая идеология» и «антиконституционная идеология» как синонимичные понятия при демократическом политическом режиме // *Современные проблемы правового регулирования и реализации российского законодательства* : сб. науч. тр. / под общ. ред. П. П. Сергуна. – М. : РПА Минюста России, 2013. – 86 с. – С. 62–65. – 0,15 п. л.

Подписано в печать 10.06.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 2,5. Тираж 150 экз.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российская правовая академия
Министерства юстиции Российской Федерации»
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1.